

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ, ПОЛИТИКА И ЭКОНОМИКА СТРАН АЗИ И АФРИКИ

УДК 327+94(520)

М. Н. Малашевская

КОНЦЕПЦИЯ ИСТОРИИ ЯПОНСКОЙ ДИПЛОМАТИИ 1945–2003 годов В РАБОТАХ ТОГО КАДЗУХИКО

Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9

Статья посвящена концепции истории японской дипломатии второй половины XX в., предложенной Того Кадзухико в его научных работах на японском, русском, английском языках, изданных в 1990–2000-е годы. Основные положения своей концепции К. Того изложил в работе «История японской дипломатии 1945–2003 гг.: в поисках активной внешнеполитической роли» (2005) и в монографии «Тайные хроники переговоров по вопросу Северных территорий. Пять упущенных возможностей» (2007). Библиогр. 17 назв.

Ключевые слова: история японской послевоенной дипломатии, российско-японские отношения, японо-китайские отношения, японо-корейские отношения, Япония и США.

CONCEPTION OF THE HISTORY OF JAPAN'S FOREIGN POLICY 1945–2003 IN THE WORKS OF TOGO KAZUHIKO

M. N. Malashevskaya

St. Petersburg State University, 7/9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

The article reviews Togo Kazuhiko's concept of Japan's foreign policy of the second half of 20th century. He considers his historical conception and approaches on numerous issues on Japanese, English and Russian, published in the 1990–2000s. The main points of his concept are to be found in the monographs "Japan's Foreign Policy 1945–2003: The Quest for a Proactive Policy" (2005) and "The inside story of the negotiations on the Northern Territory. Five lost windows of opportunity" (2007). In this monograph author considers the main problems of Japan's cooperation with USA, China, states of Korean Peninsula and Russia located in the region of North-East Pacific — the chief area of Japan's diplomacy according to Togo Kazuhiko. Refs 17.

Keywords: the history of Japan's foreign policy, Russia-Japan relations, China-Japan relations, Korea-Japan relations, Japan and USA.

В настоящей статье мы рассмотрим концепцию истории японской послевоенной внешней политики, которую предложил бывший японский дипломат Того Кадзухико (род. 1945) в ряде своих теоретических работ, интервью, лекциях. К. Того в своих трудах ставит проблему поиска более активной роли Японии в международ-

ных процессах и считает, что в послевоенный период стране не удалось приобрести политический вес на международной арене.

К. Того, служивший в Министерстве иностранных дел Японии с 1968 по 2002 г., является выходцем из семьи потомственных дипломатов: внук министра иностранных дел начала и конца войны на Тихом океане Того Сигэнори (1882–1950) и сын дипломата-американиста Того Фумихико (1915–1985; уродд. Хондзэ:). Мать К. Того — Исэ — единственный ребенок в браке С. Того и его супруги-немки Эдиты де Лаланде¹.

К. Того, выпускник Токийского Университета, поступил на службу в МИД в качестве карьерного сотрудника, он избрал своим направлением развитие отношений с СССР. Уже в 1972 г. он был направлен на службу в посольство Японии в Москве. В 1980–1990 гг. он занимал высокие посты в МИД Японии: секретарь министра иностранных дел Куранари Тадаси, начальник отдела СССР Евразийского департамента, глава канцелярии² посольства Японии в США, заместитель посла в посольстве Японии в Российской Федерации³, заместитель директора Евразийского департамента, заместитель министра иностранных дел, директор Департамента договоров, директор Европейского департамента. Он закончил свою карьеру в МИД в должности посла Японии в Нидерландах и в 2002 г. вынужденно вышел в отставку в связи со скандалом вокруг «группы Судзуки Мунэо»⁴. С 2002 г. К. Того стал приглашенным профессором в ряде европейских, азиатских, американских университетов, в последнее время считается в Японии признанным специалистом по международным отношениям и истории российско-японских связей.

К. Того, в основном работая на советском и российском направлении, в 1990-е годы выступал за активизацию диалога с новой Россией и в сотрудничестве с Сато Масару⁵ и парламентарием Судзуки Мунэо приложил немало усилий для развития многосторонних связей между двумя странами. После отставки в 2002 г. К. Того начал теоретическое осмысление истории японской дипломатии и в особенности истории российско-японских отношений 1980–1990-х годов.

Его концепция истории японской послевоенной дипломатии начала оформляться благодаря курсу лекций, которые К. Того читал в 1995–1996 гг. в МГИМО и на юридическом факультете МГУ. В 1996 г. была издана на русском языке и в 2000 г. переиздана в Японии небольшая монография «50 лет японской дипломатии (1945–1995)» [1], составленная на основе курса этих лекций. В 2005 г. К. Того выпустил основательный труд на английском языке, посвященный той же тематике: «Japan's Foreign Policy 1945–2003: The Quest for a Proactive Policy» [2], в котором он подробно

---

¹ Вдова известного в Японии архитектора Георга де Лаланде, с которой С. Того познакомился в 1920 г. С. Того и Э. Лаланде поженились в 1921 г.

² В японском МИД — дипломатический ранг министра, который соотносится в МИД РФ с рангом советник-посланник. В японской номенклатуре это третий человек в посольстве.

³ В японском МИД — дипломатический ранг министра, который соотносится в МИД РФ с рангом советник-посланник. В японской номенклатуре это второй человек в посольстве.

⁴ Скандал вокруг лоббиста Судзуки Мунэо, депутата Нижней палаты Парламента с 1982 г. от ЛДПЯ от 5-го округа Хоккайдо, который через нижнюю палату японского Парламента продвигал в 1990 г. проекты, связанные с развитием четырех спорных южнокурильских островов. В 2002 г. был обвинен в коррупции и растратах в ходе реализации этих проектов.

⁵ Сато Масару — ведущий специалист по России МИД Японии в 1990-х годах, оказывавший существенное влияние на формирование внешнеполитического курса в отношении России. Сотрудничал вместе с К. Того и М. Судзуки.

изложил свои взгляды на историю японской внешней политики второй половины XX столетия и выделил основные проблемы, с которыми сталкивалась и сталкивается японская дипломатия.

Совместно с известными американскими исследователями Г. Розманом и Дж. Фёргюсоном, специалистами по российско-японским отношениям и политической ситуации в Восточной Азии, К. Того участвовал в написании двух коллективных монографий: «Japanese strategic thought toward Asia» [3] и «Russian strategic thought toward Asia» [4]. В 2008 г. в издательстве «Коданся-гэндайсинсё» вышла книга «История и дипломатия: Ясукуни, Азия и Токийский трибунал» [5], где рассмотрены проблемы послевоенной истории, оказывающие значительное влияние на связи Японии со странами Азии.

К. Того — автор нескольких монографий по истории советско-японских и российско-японских отношений: в 1993 г. вышла небольшая работа на японском языке «Стремление к новой эпохе в японо-российских отношениях» [6], где К. Того проанализировал историю двусторонних отношений и оценил перспективы взаимодействия двух стран. Он представил оригинальную концепцию российско-японских отношений 1985–2001 гг. в нескольких работах на японском и английском языках, написанных после 2002 г. Свою концепцию К. Того детально представил в изданной в 2007 г. книге «Тайные хроники переговоров по вопросу Северных территорий. Пять упущенных возможностей» [7]. Большое место в этой работе уделено воспоминаниям о семье и автобиографическим данным, относящимся к периоду работы автора в японском министерстве иностранных дел.

В своих оценках К. Того придерживается геополитического подхода, базирующегося на историческом реализме. Также при рассмотрении исторических процессов он высоко оценивает роль конкретных политиков и их влияние на современные им события. Особое внимание он уделяет роли народа, который, по его мысли, призван одобрить или отвергнуть решения, принятые политиками [8], — это основа стабильного существования государства. Кроме того, влияние исторического наследия и трактовки исторических событий на современное положение дел в международных отношениях он рассматривает в качестве базового элемента внешней политики. К. Того считает, что историческая память играет весомую роль в современных отношениях Японии и азиатских стран, пострадавших от японской агрессии в годы войны на Тихом океане. Он неизменно начинает свои работы с анализа итогов и последствий Второй мировой войны для Японии. Он считает, что страна, оказавшись буквально в руинах после американских бомбардировок, смогла уцелеть лишь благодаря воле императора и стремлению японского народа к миру и демократии. основополагающими принципами, или «новыми ценностями», Японии стали мир, демократия и сохранение императорской системы [1], что отражено в Конституции (1946). Впоследствии была добавлена еще одна «новая ценность» — экономическая реконструкция и развитие [2, р. 35]. К. Того называет Японию уникальной страной, добровольно отказавшейся от войны и вооруженных сил для решения внешнеполитических задач: эта страна отказалась от войны как инструмента международных отношений, хотя войска в виде Сил самообороны были сохранены исключительно в оборонительных целях [2, р. 41].

По мнению К. Того, Япония смогла вернуться на международную арену только после подписания Сан-Францисского мирного договора (1951). Внешняя политика

страны развивалась в нескольких направлениях: 1. Японо-американские отношения; 2. Японо-китайские отношения; 3. Япония и страны Корейского полуострова; 4. Япония и Россия; 5. Япония и Западная Европа; 6. Япония и страны Ближнего Востока; 7. Япония и развивающиеся страны; 8. «Экономическая дипломатия» Японии в рамках международных организаций; 9. Политика Японии в рамках международных организаций. В целом такой подход к расположению регионов по степени важности соответствует официальной позиции МИД Японии, отраженной в так называемой ежегодной Голубой книге.

Японо-американские отношения занимают первое место в классификации К. Того: неоспоримо, что они носят основообразующий стратегический характер. К. Того пишет, что внутривнутриполитические события второй половины 1940-х годов привели к неизбежности стратегического альянса с США, который был выражен в «старом» Договоре безопасности (1951) и определил стратегический курс страны на последующие 60 лет. Диалог с США с начала 1950-х годов развивался по двум основным направлениям: политический диалог и торгово-экономические связи. Форма и содержание союза были скорректированы и окончательно оформлены в 1960 г. в ходе подписания «нового» Договора о взаимном сотрудничестве и гарантиях безопасности. До начала переговоров о передаче островов Рюкю, Япония продолжала занимать неравноправное положение «младшего брата» [2, р. 71] в этом альянсе. Параллельно с решением проблемы островов Рюкю на рубеже 1960–1970-х годов на новый уровень вышли торгово-экономические отношения двух стран. Стремление Японии занять позицию «равноправного партнера» США с конца 1960-х годов привело к торговым разногласиям. Экономическое взаимодействие Японии и США второй половины XX в. К. Того охарактеризовал как «полвека торговых конфликтов» [2, р.115]: 1. Торговый конфликт 1969–1975 гг. («Текстильная война»); 2. Торговый конфликт 1975–1981 гг.; 3. Японо-американские отношения 1980-х годов; 4. Торговые конфликты конца 1980-х — начала 1990-х годов; 5. Японо-американские экономические отношения первой половины 1990-х годов; 6. Япония на рубеже веков. Торговые конфликты и административные меры по выходу из них составляли сущность экономического взаимодействия двух государств.

К. Того особенно выделяет период 1980-х годов, так как между странами наблюдалось тесное сотрудничество благодаря личным доверительным отношениям премьер-министра Накасонэ Ясухиро и президента Рональда Рейгана (период «Рон-Ясу») в области обеспечения безопасности, международной политики и экономики.

С крушением СССР и окончанием «холодной» войны в 1991 г. японская внешняя политика претерпела кардинальные изменения: Японии был брошен вызов, однако в 1991 г. страна не смогла вовремя и адекватно на него ответить. Война в Персидском заливе 1990–1991 гг. и участие в ней США и международных миротворческих сил, в том числе и Японии, продемонстрировали неготовность последней к новым условиям международной политики: Страна восходящего солнца, по определению К. Того, оказалась в числе «потерпевших поражение» [2, р. 77–78].

Во второй половине 1990-х годов «поднимающийся Китай» стал новым фактором международных отношений, и выстраивание сложных многосторонних отношений в треугольнике США — КНР — Япония стало приоритетным направлением японской внешней политики. К. Того писал, что премьер-министр Хасимото Рютаро впервые после окончания «холодной» войны поставил перед страной задачу сохра-

нить и развивать полноценные политические и стратегические отношения с США и перестать избегать решения многочисленных проблем, связанных с подъемом Китая [3, р. 83].

В послевоенных японо-китайских отношениях К. Того на первое место ставит проблему Тайваня, с которым в 1952 г. Япония нормализовала отношения. Эти события отодвинули «установление полнокровных политических отношений» [1] с континентальным Китаем. С другой стороны, как считает К. Того, премьер-министр Ёсида Сигэру в среднесрочной перспективе видел возможность раскола между коммунистическим Китаем и СССР и посчитал целесообразным выждать время, чтобы знать, какой выбор сделает КНР [2, р. 119].

К. Того дает следующую периодизацию отношений Японии и КНР: 1) 1952 — конец 1960-х годов, период развития торговых связей при отсутствии нормальных дипломатических отношений; 2) начало 1970-х годов, «коренной переворот в отношениях с КНР»: нормализация отношений, подписание Совместного коммюнике 1972 г., где впервые прозвучали слова сожаления [1] за действия японских войск в Китае в период Войны на Тихом океане; 3) 1974–1978 гг., «трудный путь» к подписанию договора о мире и дружбе; 4) 1980-е годы, период активного экономического диалога и всплесков политических разногласий; 5) «гармония» первой половины 1990-х годов; 6) расширение экономических связей и новые политические вопросы второй половины 1990-х годов.

Также К. Того выделяет ряд значимых аспектов японо-китайских отношений рассматриваемого периода.

1. Основополагающее влияние американского фактора и треугольник США — Япония — КНР, особенно в период нормализации отношений между Японией и КНР, в 1980-е годы при премьер-министре Я. Накасонэ, во второй половине 1990-х годов, в связи с позитивными изменениями в диалоге США и КНР [3, р. 94].

2. Давление со стороны СССР в ходе японо-китайских переговоров 1974–1978 гг., когда Япония вынуждена была лавировать между противоборствующими КНР и СССР из-за «вопроса гегемонии» [7, с. 98].

3. Стремительный рост торгово-экономических связей после подписания договора 1978 г., позволивший Китаю стать вторым по величине партнером Японии в 1980–1990-е годы.

4. «Дипломатия извинений» Японии перед китайским народом за военные преступления периода Второй мировой войны.

5. Применительно к японо-китайским связям К. Того употребляет термин «гармония»: он считает, что страны достигли «периода гармонии» в начале 1980-х годов. Однако для отношений 1980–1990-х годов характерны смены периодов «гармонии» и «напряженности»: гармоничность достигается экономическими и политическими способами, а напряженность возникает из-за политических разногласий. К. Того подчеркивает, что после событий 1989 г. на площади Тяньаньмэнь японские политики пренебрегли демократическими ценностями и предпочли «базироваться на имеющемся опыте общения с Китаем... так как это отвечает интересам народов АТР» [2, с. 146].

6. Отношения Японии и Китая и на рубеже XX–XXI столетий в целом характеризуются ориентацией на будущее⁶ [2, р. 148].

⁶ Заявление премьер-министра Хосокава Морихиро 1994 г. («ориентированные на будущее и зрелые отношения») и заявление премьер-министра Мураяма Томиити 1995 г. («отношения, ори-

Многие аспекты взаимодействия Японии и КНР тесно связаны с развитием межгосударственных связей между Японией и государствами Корейского полуострова. Большое влияние на отношения двух стран оказывает историческое наследие XX в. После установления дипломатических отношений 22 июня 1965 г. («Договор о принципах отношений между Японией и Южной Кореей»), связи двух стран в области экономики развивались стремительно, однако политический диалог разворачивался под существенным давлением со стороны США, КНР и СССР. К. Того назвал тридцатилетний (1965–1995) период истории связей Японии и Южной Кореи «бегом с препятствиями». Политические «препятствия» выражены 1) проблемой «пересмотра истории» в японских учебниках по истории, 2) проблемой посещения храма Ясукуни японскими премьер-министрами, 3) проблемой женщин из «спецперсонала» (поднимается с конца 1980-х годов) и 4) территориальными разногласиями по поводу принадлежности островов Такэсима (Токто). В начале 2010-х годов К. Того высказал мнение, что «чаша терпения Японии уже переполнена» из-за того, что Россия, Корея и КНР свободно действуют на территориях, суверенитет которых не установлен. По его мнению, «Япония должна решительно пересмотреть свою политику» [10].

Отношения Японии и КНДР К. Того выделяет особо. Он называет Северную Корею «странной страной», ведущей неадекватную политику, совмещая террористические акты и дружелюбную дипломатию. Причем до начала 1990-х годов отношения с КНДР пребывали в состоянии «не-развития». С окончанием «холодной» войны у Японии появился «новый сосед», который вызывал опасения со стороны японского правительства и общественности: особенно остро японская сторона реагирует на корейскую ядерную программу и инциденты с похищением японских граждан. В середине 1990-х годов К. Того считал отношения с Северной Кореей одной из главных нерешенных задач японской дипломатии. Однако даже к концу 1990-х, несмотря на попытки премьеров Обути Кэйдзо и Мори Ёсио, диалог развивался незначительно из-за «чуждаковатых привычек» правительства КНДР [3, р. 96]. При премьер-министре Коидзуми Дзюньитиро в Японии стали нарастать антисеверокорейские настроения. В 2003 г. в ходе Шестисторонних переговоров (КНР, РК, КНДР, Япония, РФ, США) странам региона впервые после окончания Второй мировой войны представилась возможность установить многосторонние стратегические связи, чтобы разрешить фундаментальные вопросы мира и безопасности в регионе [2, р. 194], однако участники переговоров не смогли успешно и полноценно воспользоваться появившимся шансом.

По мнению К. Того, японская внешняя политика после 1945 г. была сконцентрирована на развитии связей внутри Азиатско-тихоокеанского региона и континентальной Азии. Япония сконцентрировала свои усилия в нескольких направлениях: налаживание сначала двухсторонних, а затем и многосторонних связей в рамках региональных организаций, экономическая помощь развивающимся странам по линии ОПР (Официальная помощь в целях развития). Премьер-министр Киси Нобусукэ был первым лидером, сформулировавшим внешнеполитическую концепцию, направленную на тесный контакт с Азией: 1) дипломатия, ориентированная на ООН; 2) кооперация со «свободным миром»; 3) возвращение позиций в Азии

ентрированные на будущее, на XXI век» и «отношения, направленные на укрепление мира и благосостояния АТР и мира»).

[2, p. 197]. ОНР изначально стала центральной линией развития диалога со странами Азии.

К. Того выделяет четыре периода развития ОНР:

1. Послевоенное восстановление и репарации (1945–1963);
2. Экспансия экономической помощи (1964–1976 гг.; рост объемов помощи от 100 млн долл. в 1964 г. до 1,1 млрд долл. в 1976 г.);
3. Запрограммированная экспансия (1977–1988; рост от 1,5 млрд долл. в 1977 г. до 9 млрд долл. в 1988 г.);
4. Лидирующий донор (с 1989 г. [до сер. 2000-х]; достигая 15 млрд долл. в год в 1990-е), конкурент США и Западной Европы в этой сфере [2, p. 316].

Однако К. Того призывает к реализму: несмотря на многомиллиардные вложения по программе ОНР и соперничество с США в этой области в 1990-е и начале 2000-х годов, Япония не смогла получить искомой политической роли⁷. Примечательно, что К. Того не критикует инициативы ОНР и экономическую внешнюю политику Японии, которую еще до окончания «холодной» войны стали называть «экономическим гигантом, но политическим карликом» («...на карликовых политических ногах») [2, p. 407; 9, с. 27]. Такая дипломатия представляется К. Того альтернативой плодотворной, более того «экономическая помощь... [ОНР] стала, возможно, наиболее последовательным и эффективным инструментом японской послевоенной внешней политики» [2, p. 316].

В работах К. Того большое место занимает описание и концептуализация истории отношений Японии с Россией (СССР и РФ). В целом он характеризует историю этих взаимоотношений следующим образом: «Для отношений между Японией и Россией в политической сфере, история которых богата самыми разными событиями, характерна резкая контрастность тонов» [1]. На протяжении 150 лет, начиная с 1855 г., маятник отношений, по его мнению, колебался в контрастных зонах (см. по этой теме: [13–15]). Однако самым сложным периодом взаимоотношений двух стран стал 1945 г. К. Того подчеркивает, что вступление СССР в войну в августе 1945 г. до окончания юридического срока действия Пакта о нейтралитете нанесло глубокую рану японскому народу, поэтому японское общество так упорно отстаивает свою позицию в отношении спорных с СССР и теперь Россией вопросов на протяжении последних 60 лет. Таким образом, он является последователем официальной позиции Японии по этому вопросу.

К. Того рассматривает отношения СССР и Японии 1945–1985 гг., указывая основные периоды, события и тон диалога. Переговоры 1956 г. он характеризует как «неудачу» Японии, однако «маятник отношений» сдвинулся в зону положительных значений (по этой теме см.: [16]). Вскоре последовало охлаждение, вызванное заключением «нового» Договора безопасности между Японией и США в 1960 г., на что советская сторона отреагировала негативно (по этой теме см.: [17]). Очередное улучшение двухсторонних отношений связано с визитом премьер-министра Танака Какуэй в Москву (1973). К. Того считает, что генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев в приватной беседе с премьер-министром Японии подтвердил нали-

⁷ Даже после объявления концепции «Дипломатия шелкового пути» (премьер-министр Р. Хасимото) в июле 1997 г., когда Япония стала экономическим донором номер один для Казахстана, Узбекистана, Туркменистана, Киргизстана по линии ОНР, реального политического влияния в регионе она так и не получила.

чие нерешенной «территориальной проблемы», ответив «да» и «я знаю» на вопросы К. Танака относительно судьбы спорных островов [7, с. 179], что, по его мнению, вызвало подъем отношений. Однако, в связи с улучшением японо-китайских связей и рядом политических событий в двухсторонних советско-японских отношениях, контакты с СССР в середине 1970-х годов начали постепенно охлаждаться, и после подписания японо-китайского мирного договора в 1978 г. отношения с СССР на протяжении последующих 8 лет были заморожены.

Очередной подъем диалога последовал после 1985 г., когда в СССР сменилось руководство и М. С. Горбачев провозгласил политику «перестройки», «новое политическое мышление», «гласность». К. Того дает оригинальную концепцию истории развития диалога 1985–2001 гг., назвав его периодом «пяти упущенных возможностей». Суть концепции состоит в том, что правительственные круги и МИД Японии в этот период «упустили пять возможностей» «вернуть» спорные острова — южную часть Курильского архипелага — и заключить мирный договор. Две первые возможности К. Того относит к развитию советско-японских отношений в годы «перестройки»: 1) 1985–1987 гг. — интенсификация контактов после длительной «паузы» в двухсторонних отношениях и 2) 1988–1989 гг. — новый этап потепления отношений после визита экс-премьера Японии Я. Накасонэ в СССР. Оставшиеся три «окна возможностей» относятся к периоду президентства Б. Н. Ельцина и началу президентства В. В. Путина (1991–2001 гг.): 3) период подготовки официального визита первого президента Российской Федерации в Токио в 1992–1993 гг. [11, с. 131–132]; 4) подготовка и ведение японо-российских неофициальных переговоров, известных как «встречи без галстуков» Б. Н. Ельцина и Р. Хасимото в Красноярске и Кавана в 1997–1998 гг.; 5) переговоры президента В. В. Путина и премьер-министра Ё. Мори в 2000–2001 гг., в ходе которых, с точки зрения К. Того, «острова были ближе всего [к Японии]» [7, с. 360, 363]. Таким образом, К. Того смещает акценты в трактовке событий 1980–1990-х годов, объединяя два десятилетия в единый период российско-японских отношений [12].

Необходимо еще раз подчеркнуть, что историю послевоенных контактов Японии с США и странами Северо-Восточной Азии К. Того в своих работах ставит на первое место, так как геополитическая рациональность требовала от Японии налаживания тесных связей именно внутри региона со своими непосредственными соседями. Поэтому отношения с Западной Европой и Ближним Востоком отнесены на второй план.

К. Того характеризует диалог Японии и стран Западной Европы как «борьбу за важность» [1]. Если до начала Второй мировой войны эта борьба в основном была сосредоточена на получении колониальных прав в Азии, то после окончания войны и подписания Сан-Францисского мирного договора, уже в 1960-е годы, наблюдалось потепление диалога, подкрепленное экономическим взаимодействием. Однако с активизацией торгово-экономических контактов между Японией и странами Западной Европы стали возникать «торговые конфликты» (1976–1980 гг., 1981 — конец 1980-х годов, конец 1980-х — начало 1990-х годов), подобные тем, которые происходили между Японией и США. К. Того выделяет саммит Япония—ЕС 18 июля 1991 г., на котором стороны приняли Совместную декларацию по вопросам экономического и политического взаимодействия. В соответствии с этим документом вводился важный принцип управления торговлей, инвестициями и экономическими связями, что

должно было позволить развивать равные возможности на рынках Европы и Японии. Кроме того, послевоенная Япония стала демократической державой «свободного мира», противницей СССР в условиях «холодной» войны — эти «общие ценности» идеологически и духовно сближали два отдаленных региона. Однако, несмотря на многочисленные экономические проекты, участие в международных экономических и политических организациях, гуманитарное взаимодействие, К. Того называет взаимодействие Японии с Западной Европой в рамках треугольника Европа—Америка—Япония самым незначительным [2, с. 419].

Что касается взаимодействия со странами Ближнего Востока, то оно традиционно для Японии заключалось в поставках энергоносителей — нефти, которую в основном страна получала от ближневосточных поставщиков (Саудовская Аравия, Кувейт). Хотя экономические интересы стоят в центре политики Японии в отношении стран Ближнего Востока, с начала 1990-х годов этот регион стал «полигоном», где Япония пробовала свои силы как участник миротворческих операций. «Поражение» в Войне в Персидском заливе («слишком мало и слишком поздно») стало, по мысли К. Того, серьезным уроком для японских политиков. Через 10 лет, после террористических атак 11 сентября 2001 г. в США, Япония отреагировала достаточно быстро, приняв непосредственное участие в операции в Ираке и предоставив серьезную экономическую поддержку [2, с. 309, 412–413]. С начала 2000-х годов Япония стала активнее участвовать в миротворческих операциях, естественно, координируя действия с США. В том числе Япония выступила и в Афганистане, оказав финансовую помощь и направив в регион инженерные войска.

Анализируя историю японской послевоенной дипломатии в целом, К. Того выделяет несколько ее основных характеристик. Во-первых, в кратком хронологическом обзоре внешней политики Японии после 1945 г. он выделяет десятилетние периоды, характеризуются рядом особенностей.

1. 1950-е годы (после подписания Сан-Францисского мирного договора до подписания «нового» «Договора безопасности») — это время послевоенного восстановления и возвращения Японии на международную арену, период самоопределения Японии во внешнеполитическом плане (альянс с США, восстановление отношений со странами Северо-Восточной Азии).

2. 1960-е годы (от подписания «нового» «Договора безопасности» до подписания договора о передаче Окинава) характеризуются доктриной «высоких темпов экономического роста» (доктрина Икэда Хаято) и появлением новых взглядов на роль Японии в мире (большая ответственность, выразившаяся во включении в программу ОПР, и стремительное появление Японии в международной экономике).

3. 1970-е годы (от подписания договора о передаче Окинава до смерти премьер-министра Охира Масаёси) стали одновременно периодом «разрядки», на фоне которой улучшились отношения Японии с КНР и с СССР, и поиска экономически развитой Японией более существенной и ответственной роли в международной политике. В это десятилетие, в том числе и под влиянием доктрины премьера Фукуда Такэо («многосторонняя дипломатия, направленная на укрепление мира», и развитие отношений с АСАЕН), укрепились взаимопонимание и кооперация между Японией и странами Юго-Восточной Азии.

4. 1980-е годы — это новая череда попыток Японии играть более существенную и ответственную роль в международной политике. Заметный след оставила деятель-

ность премьер-министра Я. Накасонэ, который укрепил стратегические связи Японии и США, а экономическую дипломатию в Азии в этот период К. Того оценивает как чрезвычайно эффективную. В 1980-е годы Япония столкнулась с рядом политических кризисов в Северо-Восточной Азии, связанных с проблемой «пересмотра истории» и продемонстрировавших неспособность Японии навязать странам региона свою политическую волю.

5. 1990-е — начало 2000-х годов (1989–2003) — «потерянное десятилетие», начавшееся с краха экономики «мыльного пузыря» и «поражения» в Войне в Персидском заливе. Завершение «холодной» войны, с точки зрения К. Того, напрямую включило Японию в международные процессы. Страна была вынуждена иначе выстраивать отношения с мировым лидером — США — и с «поднимающимся Китаем». Этот период поставил перед Японией много новых вопросов и вызовов в Восточной Азии, Евразии, на Ближнем Востоке. Особое место занял вопрос нормализации отношений с Россией при премьерах Р. Хасимото, К. Обути и Ё. Мори.

К. Того писал о необходимости в среднесрочной перспективе разрешить пять неразрешенных вопросов, оставшихся в наследство от прошлого: 1. Возобновление дипломатических отношений с Северной Кореей; 2. Заключение мирного договора с Россией; 3. Преодоление проблемы ответственности за военные преступления периода Второй мировой войны; 4. Девятая статья Конституции Японии (отказ от ведения войны и обладания армией); 5. Реформирование экономической системы Японии.

В своих работах К. Того детально рассматривает широкий круг вопросов, связанных с историей внешней политики Японии второй половины XX столетия, однако основное внимание он уделяет проблемам взаимодействия внутри северо-восточных районов АТР (США, КНР, Кореи, России, Тайваня). С нашей точки зрения, он реалистически оценивает роль Японии в современной системе международных отношений и характеризует историю внешнеполитической деятельности после 1945 г., и особенно с конца 1960-х годов, как период «поиска» и «попыток» вести более активную внешнюю политику как в Азии, так и на площадках международных форумов. Исходя из трактовки К. Того становится очевидным, что вплоть до настоящего времени в политическом плане Японии так и не удалось занять искомое положение серьезной политической силы ни в мировом масштабе, ни в пределах Азиатско-Тихоокеанского региона. В целом мы согласны с концептуальным подходом К. Того, который трактует этот пятидесятилетний период как период «поиска» и «попыток» японских политиков вывести Японию в качестве сильного игрока на международную арену. Кроме того, представленный выше подход («пять упущенных возможностей») к трактовке истории советско- и российско-японских отношений является оригинальным с позиций японской историографии по данному вопросу и существенно расходится с официальной позицией японского правительства, которая, в частности, отражена в японских школьных учебниках по истории. Кроме того, К. Того применил понятие «гармонизации» относительно японо-китайских связей двух последних десятилетий XX столетия, что также является его оригинальным подходом, синтезирующим понятия японской культуры как представительницы дальневосточной цивилизации с длительными конфуцианскими традициями и современное положение в АТР, выделив отношения Японии и Китая как особое, даже обособленное поле внешнеполитической деятельности Страны восходящего солн-

ца. Таким образом, в работах К. Того мы находим ряд самобытных концептуальных подходов, которые уже в настоящее время достаточно часто цитируются в работах японских и англоязычных авторов.

Литература

1. *Togo K.* 50 лет японской дипломатии (1945–1995). 2-е изд. / пер. с яп.яз.; вступ.сл. д.п.н. А. Н. Панов. Токио: МИД Японии, 2000. // Электронная библиотека Дальневосточного клуба. URL: <http://elib.clubdv.ru/home.html?sobi2Task=sobi2Details&catid=31&sobi2Id=140> (дата обращения: 20.02.2012).
2. *Togo K.* Japan's foreign policy 1945–2003: The quest for a proactive policy. Leiden; Boston: BRILL, 2005. 484 p.
3. Japanese strategic thought toward Asia / ed. by G. Rozman, K. Togo, J. P. Ferguson. N. Y.: Macmillan Palgrave, 2007. 280 p.
4. Russian strategic thought toward Asia / ed. by G. Rozman, K. Togo, J. P. Ferguson. N. Y.: Macmillan Palgrave, 2006. 272 p.
5. *Togo K.* Рэкиси то гайко: — ясукуни, адзия, то:кё:сайбан [История и дипломатия: Ясукуни, Азия и Токийский трибунал]. Токио: изд-во Коданся гэндайсинсё, 2008. 328 с.
6. *Togo K.* Нитиро: сндзинай э но дзёсо: дакай но каги о мотомэтэ [Стремление к новой эпохе в японо-российских отношениях: требуется ключ для прорыва]. Токио: изд-во Саймуру, 1993. 239 с.
7. *Togo K.* Хоппо:рё:до ко:сё: хироку. Усиनावарэта годо но кикай [Секретные переговоры по вопросу Северных территорий. Пять упущенных возможностей]. Токио: изд-во Синтёся, 2007. 430 с.
8. *Togo K.* Японо-российские отношения: прошлое и перспективы / пер. с яп. Г. В. Куликова. Токио: 2000. 72 с. // Электронная библиотека Дальневосточного клуба. URL: http://elib.clubdv.ru/index.php?option=com_sobi2&sobi2Task=sobi2Details&sobi2Id=139 (дата обращения: 10.01.2012).
9. Глобальные вызовы — японский ответ / рук. проекта Э. В. Молодяков; ред. Н. П. Дмитриевская. М.: АИРО-XXI, 2008. 308 с.
10. Japan should talk on the Senkaku Islands squarely / Interview with Togo Kazuhiko by The Asahi Shimbun. 20.08.2012 // Сайт ежедневной газеты Асахи. URL: http://ajw.asahi.com/article/forum/security_and_territorial_issues/japan_china/AJ201208200005z (дата обращения: 10.04.2013).
11. *Togo K.* The inside story of the negotiations on the Northern Territories: five lost windows of opportunity // Japan Forum. Oxford. 2011. Vol. 23, iss. 1. P. 123–145.
12. *Малашевская М. Н.* Концепция «Пяти упущенных возможностей»: российско-японские отношения 1985–2001 годов в оценках Того Кадзухико // Сайт МОО «Ассоциация японоведов». Проект Japan studies in Russia. URL: http://japanstudies.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=256&Itemid=59 (дата обращения 21.03.2013).
13. *Климов В. Ю.* Первое японское посольство в Россию (1862 г.) // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Сер. 13. Востоковедение. Африканистика. 2010. Вып. 1. С. 3–16.
14. *Строева М. В.* Россия и Япония: о визитах японских государственных деятелей в Россию в середине 70-х — конце 80-х годов XIX века (на основе документов АВПРИ) // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Сер. 13. Востоковедение. Африканистика. 2009. Вып. 1. С. 13–18.
15. *Строева М. В.* Россия и Япония: Санкт-Петербургский договор 1875 г. // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Сер. 13. Востоковедение. Африканистика. 2010. Вып. 3. С. 25–35.
16. *Кузьминков В., Павлятенко В.* Истинный смысл Совместной советско-японской декларации 1956 г. // Проблемы Дальнего Востока. 2012. № 5. С. 63–78.
17. *Петров Д. В.* Японо-американский союз и новая обстановка в Азии // Проблемы Дальнего Востока. 1976. № 3 (19). С. 19–35.

Статья поступила в редакцию 2 апреля 2014 г.

Контактная информация

Малашевская Мария Николаевна — аспирант; malashevskaya@gmail.com

Malashevskaya Maria N. — post graduate student; malashevskaya@gmail.com